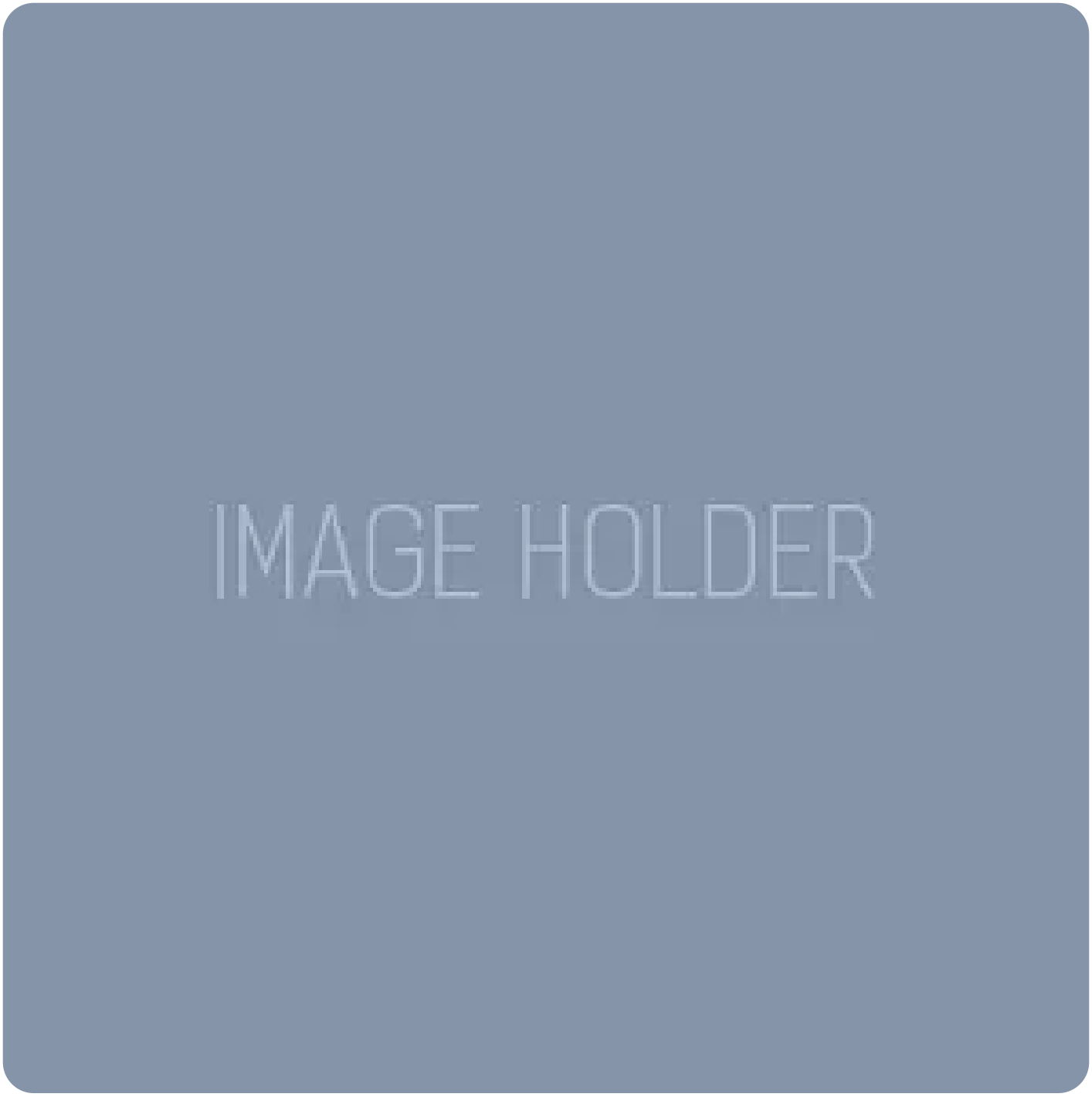

Упорядоченный Люцифер

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Ольга Слободкина-von Bromssen

Ссылка на публикацию

Упорядоченный Люцифер (из книги "Островитяне") (Мистерия) Это - странная история. Где она произошла? На острове. На каком? Да мало ли островов в океане... Тот остров назывался, например, Островом Синих Утесов. Равным образом он мог бы называться Долиной Голубых Вершин. И люди туда тоже приезжали странные, в смысле, экстравагантные. Вернее, даже не приезжали, а ездили. Лет по двадцать подряд, а то и больше. В самом деле - это была долина

Умолкнувшего Вулкана. Который, однако, (так Она всегда считала) еще заговорит когда-нибудь. Когда Она приехала туда впервые, ей сказали: "Сюда люди по двадцать лет приезжают. Место такое... Притягивает". Ну, это не про меня, подумала Она. Я - такая путешественница. Подумать-то подумала, но жизнь распорядилась так, что именно двадцать раз Она туда и приезжала. Точнее, даже двадцать два. Пока не кончилось ее время для этого Острова. Все приезжающие, разумеется, знали друг друга наизусть. Это был клуб под открытым небом. А National Park Community. Некоторые паломники купили себе там землю и построили на ней дома - еще в незапамятные времена. И теперь ходили с задратыми носами - они же имели очень большие преимущества перед обыкновенными паломниками. Свои дома, можно сказать, аборигены, но с другой стороны, все же не местные. А местные были примитивные поселяне и жили лишь доходами от сдачи комнат в летнее время. Причем, поселяне не первого состава. Туземцев, то есть коренных жителей, выселили оттуда еще до того, как там стало модно покупать землю. А зря. Трудолюбивый был народ. Трудолюбивый и внятный. Чувствовал он эту местность. И хорошо с ней уживался. Когда приехали нынешние поселяне, многое там испортилось. Не умели они обращаться с той землей. Переложат, например, камни у родника, и родник высыхает. Да, место было непростое. И принимало далеко не всех. Но тех, кого принимало, тех и хранило, и наполняло такой несказанной радостью, что паломники чувствовали себя потом целый год счастливыми и только и ждали весны, чтобы опять приехать сюда. Так вот, Ей было тридцать и была Она, что называется, хороша до озноба. Карие глаза, мягкий взгляд, вьющиеся каштановые волосы, высокие скулы, прекрасная кожа, великолепная фигура с талией и бедрами индианки, длинная шея, высокая полная грудь очень красивой формы, длинные изящные руки и ноги, гармоничные пропорции... Она была живописцем и хорошо пела. Короче говоря, Бог не обидел. Вот Она и решила посвятить свою жизнь Ему. И отражать свое Восхождение в искусстве. То есть была не просто творческой личностью, но и монахиней в миру. Правда, об этом сакральном таинстве ее души мало кто знал. Да и те немногие, кто знали, не верили ей до конца, считая, что Она еще найдет свое женское счастье. Но это было также невозможно, как вдруг взять Вулкану, да и исчезнуть за одну ночь. Все видели только ее красивую оболочку, и от мужчин ей прохода не было. А со временем даже и от женщин, так как женщины нынче стали хуже мужчин, хотя, казалось бы, хуже уже некуда. Но Она всех отстраняла. Иногда получалось мягко, иногда не очень. И много вокруг нее скопилось обид. Но Она была в том не виновата, ведь грубые радости плоти были ей совсем не нужны и даже весьма опасны, так как сознание ее давно перестроилось на духовный лад и подобная ломка была бы Смерти подобна. Ей хотелось Духовного Общения, Духовных Знаний, и Она не теряла надежды найти своих людей. В миру. Но находила их только в монастырях среди монашествующих и, окормившись

духовно, возвращалась в мир, наивно полагая, что многие миряне, болтающие о Боге, живут так же, как Она. А вообще Остров привлекал творческие натуры. В основном, туда приезжали художники и поэты. И, конечно, философы, астрологи и прочие личности, небезразличные к тому, что творится в Астрале. Один из них и был первым пришельцем, построившим себе дом с мастерской-ротондой на самом берегу моря. Там он принимал многих известных людей так называемого Серебряного Века. С тех пор и повелось, что туда стали ездить поэты и художники. Потухший Вулкан продолжал работать, наполняя творческой энергией всю долину и души, посвятившие себя искусству. Она поняла это сразу, как только приехала туда впервые. И влюбилась. Сильно и трепетно. И, будучи духовным скалолазом, начала думать, как бы ей проникнуть на территорию Великого Вулкана - он был закрыт для посещений, объявлен Заповедником, и туда никого не пускали. В тот год Она вернулась на Родину с Другого Континента, где жизнь была - полет и праздник. А жизнь в ее стране... Эх! Все тогда было порушено и производило впечатление полного запустения. Страшное было время. А когда оно было другим! Так вот, это был один из страшных периодов времени... Она вернулась сильная, красивая и богатая. И, разумеется, вызывала такую зависть у окружающих, что мурашки шли по коже. Но она была мужественным человеком, так как обстоятельства жизни не слишком ее баловали - с детства. Но это - другой сюжет. Ну, вот, вернулась она на Родину и сразу же отправилась на любимый Остров. Надо сказать, что в силу своей вулканической энергии, Остров не только привлекал творческих людей, но и создавал их, открывая в них все новые и новые возможности. Жила там одна женщина. Она приехала на Остров поправить здоровье, но осталась там навсегда. Конечно, она была необыкновенная от природы, но Остров пробудил в ней еще один талант - живописца. Она общалась с разными творческими людьми и, в частности, с некоей дачницей-художницей Марьей Петровной. Как-то раз Марья Петровна взяла... Да, совсем забыла Вам сказать, эту женщину звали Наталия Вадимовна. Так вот, взяла Марья Петровна Наталию Вадимовну с собой на этюды. Наталия Вадимовна попыталась было отбрыкаться, мол, что я пойду, ничего я не умею, но Марья Петровна была, по всей видимости, личностью энергичной и настояла: "Все всё умеют. Вот бумага, вот краски, вот карандаши". Сели на горе писать закат. Наталия Вадимовна старалась, как могла. Когда работа была закончена, Марья Петровна скомандовала: "Ну-ка. Дай посмотреть. Наташа! Да ты художница! И ты говорила, что ничего не умеешь! Работать надо, вот и все! А ты просто ленилась, ничего не делала". И так повелось, что Наталия Вадимовна стала ходить с Марьей Петровной на этюды, а потом уже и одна. Талант у нее был столь же необыкновенный, как и она сама. Она ощущала самую суть вещей, проникала в душу природы, и, главное, умела передать это на бумаге. Все ее акварели и гуаши источали ту же ни с чем не сравнимую Благодать Его Величества Вулкана. Кроме того, у Наталии Вадимовны был

необычайный дом. Состоял он из одной просторной комнаты - мастерской с французским окном, застекленными до низу дверями, из них можно были выйти прямо в заросший сад. В комнате стоял большой стол, под стеклянной крышкой которого хранились дорогие сердцу Наталии Вадимовны фотографии. На столе располагалась огромная ваза из обливной керамики, а в ней - сухие цветы. Такой букет составлялся годами и напоминал натюрморты малых голландцев. Над столом висел абажур из красного ситца, по краям которого звенели малюсенькие колокольчики. Еще в комнате обитало пианино. Старинное. Клавиши сухие, чуть пристукивающие, но все-таки Наталия Вадимовна умудрялась извлечь из своего инструмента нужный душе звук. Частенько собирались у Наталии Вадимовны всяческие певучие дамы, и тогда устраивались концерты. Пели, в основном, романсы, но бывало, что и арии. Конечно, голоса этих псевдоинтеллигентных дам в брюках не шли ни в какое сравнение с голосом Наталии Вадимовны и, конечно, нашей главной героини, которую мы в самом начале обозначили именем Она. Она, в отличие от всех, пела средневековые баллады на английском языке и свои песни - тоже на английском. Да, совсем забыла Вам сказать: Она сочиняла песни-баллады, иногда используя стихи английских поэтов, а иногда и свои собственные. Нужно ли упоминать, что Наталия Вадимовна не сдавала свой дом отдыхающим. Отчего, конечно, ненависть и зависть к ней местного населения только усиливалась. Ишь, барыня! Однажды, когда Она зашла к Наталии Вадимовне посмотреть ее акварели и поиграть на пианино, Она обнаружила, что поиграть сегодня не удастся, - все крышки пианино были сняты и повсюду лежали инструменты для настройки. Настройщик - высоченный сухой мужчина лет под... Эх, если бы Она понимала, сколько ему лет - может, 40, может 50, а может и все 80.... Ей он, разумеется, показался сущим дедушкой. Так вот, высоченный сухой дедушка сверкнул на нее из-под очков орлиным глазом и сказал, отбивая каждый слог, абсолютно сухим бабьим козлиным голосом, так что Она содрогнулась где-то в глубине, в своих невидимых недрах: "А Ната-лия Ва-дим-мовна - там, в при-строй-ке". Как Она потом заметила, он всегда разбивал слова на слоги, и в его произношении они были такими же сухими, как его сухая долговязая фигура. Наталия Вадимовна приняла Ее, как всегда, приветливо и радушно, и любезно показала новые акварели. Настройщик вскоре решил передохнуть и вышел из мастерской в сад, где около пристройки сидели за столиком Наталия Вадимовна и Она. Над столиком кружился еще один ситцевый абажур с бубенчиками, а над акварелями курился Дух Острова, и руки Наталии Вадимовны, перебиравшие эти диковинные творения, казалось, утопали в Благодати. Она уже хорошо загорела. Кроме того, сохранялся и загар Другого Континента. И ее трикотажное синее платье-декольте без рукавов выгодно оттеняло лицо, руки, глаза и все остальное. Настройщик вытянулся в гончую. Охотничий инстинкт прошиб его от макушки до пят. Ей же все это было

невдомек. Она подумала: как хорошо, что настроят пианино, - станет легче играть. Надо сказать, Она относилась, как к искусству, не только к своему творчеству, но и к своей жизни. К душе в первую очередь. К походке, к движениям, к словам. Все преображалось и одухотворялось от ее прикосновения. И это не ускользнуло от настройщика. Но... время не ждет. Тот визит, как все визиты, подходил к концу. Она распрощалась с Наталией Вадимовной и настройщиком, вышла за калитку и стала спускаться к морю. Разумеется, настройщик не остался в ее сознании ни одной секунды. Она думала только о своем любимом Острове, о его красоте и о прекрасных работах Наталии Вадимовны. Она, но не Он. С этого дня в глубинах его души заговорил потухший Вулкан. Что такое потухший Вулкан, заговоривший вновь, знают все мужчины, которые пережили любовь в 60 лет. Последнюю любовь. Разве это сравнить с первой влюбленностью, когда ты и не понимаешь, что это такое и зачем оно тебе нужно. А даже если и понимаешь, кажется: а-а! Вся жизнь впереди!!! Сейчас хорошо, но дальше-то будет только лучше. И отвергаешь настоящее... А тут... Все уже было, было и было. Вся жизнь в плюсквамперфекте. А впереди - старость, болезни и Смерть. А то и без старости и болезней - раз, инфаркт, и все. Мгновенная Смерть. Точка. Мужчины уважают уйти в пятьдесят семь-шестьдесят. Они не несу в себе плоды жизни, не выращивают их, только разбрасывают повсюду семя, в лучшем случае осеменяют и... уходят рано, не сказав последнего "Прости". Они хорошо знают свой срок, даже если хорохорятся. О, эта мужская любовь в шестьдесят! О ней можно писать романы. А вообще-то со времен этой истории минуло без малого 18 лет. Выросло новое поколение детей. Десять лет назад ушла Наталия Вадимовна. А вот, жив ли еще высоченный сухопарый настройщик с дьявольски-козлино-бабьим голосом? Не знаю. Последний раз я видела его на выставке художников в Столице. Тех художников, что ежегодно совершали ритуальное паломничество на Остров. Но и с тех пор прошло уже девять лет. Быстро идет Время. И со временем уже и не знаешь, что с ним и делать. Со Временем. Со своей жизнью. И с собой. Но в то Время (теперь уже более или менее далекое) он знал, что ему делать. Знал точно. Вернее, знал, что ему хочется делать. Больше всего. И Она знала. Больше всего ей хотелось отдохнуть. От дома, от Другого Континента, от безумных крикливо-скандально-ехидно-подковыривающих вампирических личностей, вытряхивающих из нее все внутренности. Крикливо-скандальных у себя дома, а в жизни - трусливых и несостоявшихся. И потому завидовавших ей. Во всем. Не только внешности, здоровью, талантам и успеху, но, казалось бы, воздуху, которым она дышит. Да, она была мужественным человеком, как я уже говорила. Ей хотелось побродить по бухтам, посозерцать, позагорать, поплавать и, конечно же, порисовать. На Острове так хорошо работалось! И самое главное, ей хотелось проникнуть в Заповедник. Это была ее заветная мечта. Жара к тому времени уже спала. Стоял благословенный сентябрь. Однажды Она заснула на

пляже, а проснувшись, почувствовала на себе пристальный взгляд. Повернула голову и увидела настройщика. Он сидел поблизости. Она поздоровалась. Но вставать не хотелось. Так славно грело солнышко. Потом еще как-то раз зашла к Наталии Вадимовне и столкнулась с ним - он все еще починял музыкальный инструмент. Она осведомилась, когда же можно будет поиграть, и он ответил, мол, работы еще много. Потом спросил, ходит ли Она по бухтам. Она ходила. Он предложил пойди вместе в Бухту Мертвых. Она согласилась. Подруги уже уезжали одна за другой, и неплохо было приобрести такого безопасного попутчика, интеллигентного дедушку, который тоже любит бродить по бухтам. Подруги ее поддержали, сказав, что теперь они спокойны, - оставляют ее на такого надежного человека. Вообще-то дедушка-настройщик не был настройщиком. Он был математиком. Работал в НИИ, как полагалось математику. И великолепно играл на фортепиано. По-настоящему профессионально. Исполнял сложнейшие вещи. Имелась у него и жена. Кажется, она тоже звалась Наталией. Кем она работала, не помню, но она тоже участвовала в домашних концертах у Наталии Вадимовны. Пела арии. В тренировочных... Забавно это выглядело. Но в государстве Рабочих и Крестьян, где все наши герои имели счастье родиться и жить, такое было закономерным. Случались у Наталии Вадимовны и чисто музыкальные вечера, без пения. На одном таком вечере и побывала наша Главная Героиня. Солировал настройщик-математик. Играл он великолепно, а вот впечатление получилось несколько странное. В низкой гулкой комнате казалось, Звуки исходили не от рук, Не от обнаженных струн и не от клавиш - От потусторонних струй. Зеркало звучало темно-синим, Так неистово переливалось Зимородка стрельчатыми крыльями И плясало - сумрачно, по-зимнему. Гномы Гофмана раскачивали своды, Мне в лицо зловеще ухмылялись, Подземелий пребогатые уроды, Перед синим зеркалом кривлялись. В низкой гулкой комнате казалось... Вскоре после встречи на пляже жена математика уехала. Сентябрь плавно перетекал в октябрь. Но все же погода стояла еще довольно теплая. Как-то раз Она встретила его по дороге в Бухту Мертвых, и он предложил прогуляться вместе. В принципе, ничего другого не оставалась. Вокруг - ни души. Она была не просто мужественным человеком, - разгуливать одной с такой внешностью по бухтам - но и несколько отчаянной. Бухта Мертвых называлась так в силу того, что, если посмотреть на нее с вершины Горы, перед взором возникали мумии фараонов - так выглядели килово-песчаные складки холмов, спускающихся в долину. Неплохо они прогулялись. Говорили о музыке, о путешествиях. Когда поднялись из Бухты Мертвых и увидели Вулкан в лучах заходящего Солнца, настройщик-математик спросил: "А не хотели бы вы побродить ночью вокруг Острой Скалы"? И Острая Скала, и Вулкан, находились в Заповеднике. И перспектива проникнуть туда манила больше всего. - В полнолуние там светло, как днем, - продолжил он. - Совсем не страшно. - А егеря? - поинтересовалась Она. - У меня там знакомый

егерь. Он не тронет. Надо подумать, подумала Она. Звучит заманчиво. В этот момент дорога сделала поворот, и дедушка-настройщик-математик-музыкант взял ее за локоть. Она резко отстранилась. Он промолчал. Бронтозавр выгибает могучую грозную спину. Гладким плюшем болотным лоснятся тугие бока И набрякшее брюхо сползает неспешно в долину, А Луна устремляется к впадине Часа Быка. Как здесь тихо. Полынью октябрьской веет, Ржавым запахом древних растений морских. Никогда математики душу мою не измерят. Астрономы не вычислят ярких созвездий моих. Бронтозавром Она называла один из холмов. Вообще на Острове было много диковинного. Чего нигде, в других местах, не сыскать... Чем дальше углубляюсь я в этот рассказ, тем больше охватывает меня ностальгия по Острову. Я ведь тоже ездила туда немало лет, пока Остров не захватило Новое Жлобье. Новое Жлобье - это такая порода людей, возникшая после того, как пришел конец Государству Рабочих и Крестьян. Так вот, потомки тех, кто создал Государство Рабочих и Крестьян для построения Лучшей Жизни, поняли, что Государство прогнило и провалилось и никакой Лучшей Жизни не будет, что человек человеку - не друг, товарищ и брат, а тамбовский, в лучшем случае, волк, и, в одночасье переключившись с Лучшей Жизни на мамону, стали ей усердно служить, причем не брезговали ничем: стяжали, обманывали, убивали, издевались, унижали, разрушали жизни людей, орали, хамили, сквернословили, отмывали нечестно добытые монеты - лишь бы потуже набить свои новожлобские кошельки. И, конечно же, жрали, пили и развратничали не на шутку. Жен своих не ставили ни во что - они же не могли добывать столько денег! Девок меняли, как носовые бумажные салфетки. А девки продолжали падать на их новожлобские деньги. Вместо декларируемого прежде Морального Кодекса Строителей Лучшей Жизни в сердца людей впечатался дореволюционный закон: кто платит, тот и музыку заказывает. Нужно ли говорить, что для поэтов, художников и музыкантов на Острове не осталось места. Побережье, которое некогда покрывала уникальная цветная галька, забетонировали и застроили новожлобскими ресторанами, гремящими день и ночь так, что содрогался даже сам Потухший Вулкан, в поселок нагло вторглись новожлобские моветонские особняки, повсюду засновали дорогущие иностранные машины, из-за каждого чудовищного забора раздавался леденящий сердце лай гигантских собак, да и сами Новые Жлобы ходили, уж если не с телохранителями, то со своими свирепыми ротвейлерами, держа их на коротком поводке мускулистыми волосатыми руками, пальцы - все в печатках... Короче говоря, над бесподобным Островом повис низкий душный дух стяжательства, скверноприбытчества, мшелоимства и всего самого отвратительного, что только может быть в человеке. Разумеется, я тоскую не по этому, а по тому Острову, который существовал до того, как мамона захватила души и судьбы людей. Но вернемся к нашему рассказу. Потом снова ненадолго приехала жена математика-музыканта. Как-то раз математик и его жена

пригласили Ее к себе и дали прочесть рассказ своего знакомого, желая узнать ее мнение. Она зашла к ним во двор. Математик с женой сидели на крыльце. Рассказ Ей не понравился, жена взялась возражать, но не страстно. Она, в смысле Главная Героиня, пожала плечами. Потом математик-настройщик принялся докладывать жене о прогулке в Бухту Мертвых и не преминул упомянуть об эпизоде, как он взял Ее за локоть, пытаясь, как он выразился, Ее направить, и как Она резко отстранилась. Наверное, заволновался, что она может начать всем рассказывать, как он под нее клинья подбивал, а у него и в мыслях ничего подобного не было. Через несколько дней жена уехала, теперь уже до следующего сезона. Они, то есть чета - математик и его жена, всегда приезжали на Остров осенью, в бархатный сезон. Эх! Сколько ни живи, не наживешься! Мало что паломники ездили на Остров каждый сезон, иной раз по два раза в сезон и проводили там месяц-полтора, а кое-кто и вовсе жил с апреля по ноябрь, и все не хватало. А сейчас - две недели, максимум, а то и неделя в Испании или Италии и - все. Отпуск закончился, пора снова пахать и сеять. Я, например, прожила на Острове в общей сложности три года, если сложить вместе все месяцы. А скажи мне: хочешь вернуть то время и снова ездить, и ездить, скажу: хочу, хочу и хочу. Только это никак невозможно. Но иногда и невозможное становится возможным. Дальше увидите! И вот, в один прекрасный день Она узнала, что на территорию Великого Вулкана пойдет экскурсия с егерем. Она вся встрепенулась - заветная многолетняя мечта была у кончиков пальцев. Так вот он, Профиль. Вот они, короны. Рукой подать - невероятно близко. В лощине скумпий розовые кроны, Пушистые, как кисти тамариска. Тропинка пробирается сквозь травы, Огромных одуванчиков головки, А справа Черная Гора возносит главы. Я над обрывом прохожу, по тропке... В самом деле, если смотреть со стороны поселка, Вулкан - он выдавался в море и лежал, словно Сфинкс, - имел профиль поэта, художника и философа, который построил на Острове мастерскую-ротонду и принимал у себя писателей и художников Серебряного Века. Вулкан охватывал огромную территорию. Это была целая Страна. Одна из Скал в Стране Вулкана также называлась Сфинксом. Другие видели в ней Чертово Копыто - если смотреть из Бухты Мертвых. А здесь, если стоять прямо за скалой, она казалась человеком с крыльями, пытающимся взлететь, но куда там! Ну, а если слева, лицом к морю, тогда скала действительно превращалась в Сфинкса. Сфинкс смотрел на мыс под названием Прыжок Дикой Козы. Смотрел влюбленно, не шелохнувшись. А Дикая Коза устремлялась в море, не обращая на Сфинкса ни малейшего внимания. Сфинкс застывает над заливом и следит каменными глазами за Прыжком Дикой Козы. Она так стройна, так изящна, что Вечности кажется, влюбленность - это мудрость... В окаменелости великой, Не отрываясь, глаз следит Прыжок Козы, изящно-дикой, По-тюркски, Атлама-Киик. Как грациозно, утонченно, Копытца вскинувши вперед, Она летит... И Сфинкс влюбленный Себя козлом осознает... И

вот, они уже на самой вершине. Кто-то рассказывал мне или видела раньше когда-то - Зубья гигантской пилы рассекли непрерывность до дна. Дальше - один за другим - выгибаются плавно, покато, Спины непойманных львов, восстающих от сладкого сна. Сон же клубится еще в приглушенной своей акварели, В синих ее очертаниях - имени здешних высот - И в отражении воды, во Небесной ее Колыбели, И в удивлении глаз, потерявших пространства отсчет. А когда они спустились вниз, с той, другой стороны, Вулкан сделался похожим не на Сфинкса, а на Короля с Королевой. Царь и Царица. Нарядное шествие тронное. Каменной свиты врожденный застывший испуг. Скалы, плывущие в небе, и в небо влюбленные. Отблески Солнца на спинах натруженных слуг. И бесконечный покой... В горностаевых мантиях, В гордой осанке и в зубчатых кронах корон Кроется тайна Вулкана, в изгибах обманчивых? Вечных для Вечности - нам непонятных Времен. Вернувшись из Страны Вулкана, Она ходила потрясенная. Ей хотелось всем рассказать, какое это немыслимое Чудо, со всеми поделиться своими впечатлениями. И, зайдя однажды к Наталии Вадимовне и снова застав у нее математика-настройщика, Она поведала ему о своем походе и с детской наивностью, без задней мысли, прочла стихи, написанные во время экскурсии, в том числе, про старого Сфинкса, осознающего себя козлом, глядя на юную Дикую Козу. Святая непосредственность! Как говорили римляне: "Чистому всё кажется чистым". Непозволительная инфантильность для тридцатилетней женщины в нашей время. Тем более, для такой красавицы. - О-о-о-о!!! - только и мог вымолвить настройщик. Вскоре математик пригласил ее прогуляться на источник. Она не знала, что это за источник такой, но решила: можно пройтись. Где-то на середине пути в Мертвую Бухту математик взял резко верх, и они начали подниматься по тропе, которая вилась по серому киловому склону. Внезапно у нее в глазах зарябило - она увидела свои ноги в сандалиях, мелькающие по этой серой сыпухе, и остановилась. - Все, дальше не пойду! - отрезала Она и посмотрела на него. Она увидела в его лице и, главное, почувствовала - животом и всеми внутренностями - такой всплеск ярости, будто он был готов в ту секунду сбросить ее с утеса. Она развернулась и побежала по склону - назад, назад, по серой сыпухе, скорее к дому. - Куда Вы? - выкрикнул он. Она остановилась и, не оборачиваясь, ответила (в глазах все еще прыгала чернота): - Мне нехорошо. Я должна срочно вернуться домой. Он не стал ее задерживать, не стал догонять. Спустившись вниз, Она еле отдышалась. Колени тряслись, по груди и спине лился пот. Слава Богу, что я не пошла с ним ночью на Острую Скалу, подумала Она. Прошло еще несколько дней, и в поселке почти не осталось дачников и отдыхающих. Местность сразу опустела. В воздухе уже очень явственно чувствовалась Осень. Однажды Она решила дойти по берегу до следующей деревни под названием Орд. И, хотя это было рискованное предприятие, Она все же отважилась. В Долине оставалась всего одна подруга с мужем и двумя маленькими детьми. Поэтому идти было не с кем. Вот Она и

пошла одна. После похода на ис-точ-ник (как произносил математик-настройщик своим козлино-бабьим голосом) Она уже не решалась отправиться с ним. К тому же, Она и вообще-то любила бродить одна, и, если уж быть до конца честными, Она предпочитала общение с дикой природой общению с людьми. Ну, вот, одна, в белых шортах и соломенной шляпе. Вскоре в пустынной бухточке, уже довольно далеко от поселка, Она увидела настройщика. Он сразу оживился, пригласил ее присесть, начал показывать интересные камни, раскладывая их у нее на ногах. Ей запомнился камень Мандельштейн (потому что он звучал как Мандельштам) - черный, со сланцевыми вкраплениями, космический камень. Когда Она сказала, что хочет дойти до соседней деревни, он ответил, что по берегу прохода нет. Придется подняться на склон. Ладно, посмотрим, подумала Она, встала и распрощалась. После этой встречи ей опять сделалось не по себе, как если бы Она повстречалась в той бухте не с человеком, а с нечистой силой (Господи! Помилуй мя!). Она попыталась справиться с этим ощущением и снова почувствовала рябь в глазах, дрожь в коленях и струйки пота, текущие по спине и груди. Завернув за мыс, Она вдруг оказалась в малюсенькой бухточке. Там стоял всего один мужчина. Он был абсолютно голый, и, хотя Она знала, что здесь полно нудистов, Она испытала новый прилив страха, словно запрограммированная, взлетела по склону и оказалась на узкой тропе, что вела по серой киловой сыпухе. Она побежала по тропе, тянущейся все время вверх, как вдруг тропа резко оборвалась. Она инстинктивно перепрыгнула через разрыв и оказалась на самой вершине, на крошечном пятачке. За перевалом тропа спускалась круто вниз, но между пятачком и внятной тропой снова зиял разрыв, вернее, обвал, так что пришлось бы прыгать, чтобы оказаться на тропе по ту сторону перевала. Нет, дотуда ей не допрыгнуть - это ясно. Она вернулась назад, вниз, к тому месту, где тропа обрывалась по правую сторону перевала, если стоять лицом к морю, и поняла, что вверх Она еще смогла как-то перепрыгнуть на разбеге обвал на тропе, но назад уже не получится. Снова поднялась на пятачок и замерла. Перед ней открылся невероятной красоты вид - огромный Залив, изрезанный бухтами. Слева Она увидела поселок Орд - он был еще довольно далеко, а справа - свой поселок, Кок, в Долине у подножия Великого Вулкана. Гигантский алый шар Солнца уже готовился опуститься в море. До полного заката оставалось не более получаса. И ни души. Кроме нудиста. С вершины Она увидела, как он спокойно завернул за мыс и пошел в сторону поселка Орд. Значит, можно пройти берегом. Эх! Моментально вспомнился рассказ одного знакомого: как со своей подругой он пытался добраться до Орд по тропе, как нужно было прыгать через обваливший кусок тропы, как они чуть не скатились вниз и сколько там каждый год гибнет людей. Все это пронеслось в ее сознании за долю секунды. Она снова спустилась назад, к обрыву, и снова поняла, что ей не перепрыгнуть, присела на корточки, пистолетиком попыталась дотянуться до продолжения тропы, увидела,

насколько это невозможно, и снова поднялась на пятачок. Ее ждала ночь на пятачке - с ужами, гадюками, с летучими мышами, с холодом и сильнейшими ветрами, столь присущими Острову, особенно осенью и зимой. Вдруг Она услышала у себя в голове Голоса, как если бы ей на голову надели осиное гнездо. - Бросься, бросься! - зажужжал Некто страшным осиным шепотом. - Все равно тебе не спастись! Сначала брось сумку и посмотри, как она будет лететь. Вниз по сыпухе. Ха-ха-ха!!! - Посмотри на свои ноги! - включился другой Голос. - Представляешь, как они будут изувечены!!! Хи-хи-хи!!! - Представь, как ты покатишься вниз по сыпухе! - вступил Третий Голос. - Ну, давай! Бросайся!!! Йо-хо-хо... Она принялась отчаянно молиться. "Господи! Иисусе Христе, Сыне Божии! Помилуй мя грешную!" Она повторяла молитву снова и снова, как ее научили в Монастыре. Голоса моментально стихли. Она продолжала бешено молиться. "Господи! Иисусе Христе, Сыне Божии! Помилуй мя грешную!! Спаси меня, Господи"!!! Она знала: в этой безвыходной ситуации помочь ей может только Бог. И верила изо всех сил. Она так истово просила Бога спасти ее, так страстно Ему верила, что даже если бы к ней слетели Ангелы и спустили бы ее вниз, Она бы поверила. Поверила! Поверила бы! И даже ничуть не удивилась бы. "Господи! Иисусе Христе, Сыне Божии!! Помилуй мя грешную"!!! Внезапно Она увидела, как из-за мыса в нудистскую бухточку вынырнул мужчина. В отличие от нудиста, он был полностью одет. Он шел берегом по направлению к поселку Орд. Ей захотелось закричать, но она подумала, что это глупо. Она стоит на твердой земле, не висит на скале, и Солнце еще не зашло. Вот мужчина прошел тот каньон, поросший травой, по которому она, как по ступенькам, взлетела вверх и оказалась на тропе, вот уже дошел до того места, где утес обрывался, отвесно, и выгибался, так что сверху его уже не было видно. Сейчас он перейдет этот участок и окажется в соседней бухте, откуда удалился и нудист, подумала Она. В диком стрессе Она снова спустилась по тропе к обрыву и, снова присев на корточки, попыталась дотянуться пистолетиком до противоположного края тропы, слишком отчетливо понимая, насколько бесполезна любая попытка. Как вдруг... О, Чудо!!! Вверх по тропе к ней поднимался тот мужчина, из бухточки. Вот оно, спасение!!! Как только он дошел до разрыва тропы и заговорил, она поняла, что он навеселе. Теперь мы оба рухнем, подумала Она. Но мужчина протянул ей руку, Она перебросила ему пляжную сумку, он поймал, положил ее позади себя, ниже по тропе, и снова протянул ей руку. Она прыгнула и, в прыжке поймав его руку, оказалась рядом с ним на тропе за обрывом. Ее всю колотило. Но теперь Она уже стояла на узкой тропе, ведущей вниз. Обрыв остался позади, и Она была не одна. Вместе они начали спускаться по тропе. Огромная голова Солнца коснулась подбородком горизонта и за считанные мгновения полностью окунулась в море. Когда спуск был закончен и они оказались в бухте, уже совсем стемнело, зажглись звезды и только Луна, проступившая на небе меланхолическим ликом, освещала им путь. Мужчину

звали Женей. Он шел в поселок Орд из поселка Кок, где купил сердоликовые серьги для своей дочери. Через день он улетал самолетом домой. Будучи джентльменом, он предложил ей проводить ее до дома - не отпускать же было ее одну в такую темень. Да, время Она явно не рассчитала, собираясь дойти до поселка Орд и вернуться обратно в Кок. Такую прогулку нужно начинать с утра, а не во второй половине дня. Они шли берегом при свете Луны, и Она поведала Жене историю с настройщиком-математиком-дедушкой. - А я бы сразу сказал, что он - как мужик! - заключил Женя. - Ты вообще-то иногда смотришь на себя в зеркало? Ишь, старпёр! Пригласил пройтись ночью вокруг Льва! Львом Женя называл Острую Скалу. Надо сказать, что все скалы, холмы, киловые мысы и камни на Острове имели названия, но каждый человек, обладающий хоть толикой воображения, давал всему свои названия. Они уже почти дошли до поселка Кок, как ей вдруг захотелось окунуться в море. На шее у нее висела цепочка с крестом и еще одна цепочка, покороче, со святым Кристофером, Покровителем Путешественников. На серебряном медальоне изображался Святой Кристофер, несущий маленького путешественничка; она привезла его с Другого Континента. Сначала она сняла цепочку с крестом. Снимая цепочку со Святым Кристофером, подумала: "Святой Кристофер - не так важно". В тут же секунду малюсенький медальон соскользнул с цепочки и - прыг! - в камни. В такой тьме найти его не представлялось никакой возможности. Купаться сразу как-то расхотелось. Она сообщила Жене о новой беде, но предприимчивый Женя и тут нашел выход. В том месте, куда соскользнул Святой Кристофер, Женя сделал в камнях небольшую ямку, разорвал газету и частично поджег ее. Получилась ямка с бумагой и золой. Завтра найдем, заверил ее Женя. Она засомневалась, но Женя уверенно кивнул: "Найдем"! И придавил газету камнем, чтобы ее ночью не унесло ветром. Они двинулись к поселку. Ей ничего не оставалась, как предложить Жене заночевать у ее хозяйки. Во всем дворе из отдыхающих осталась Она одна - все уже разъехались, свободных мест - хоть отбавляй. Поднимаясь вверх по ее улочке, они услышали яростные фортепианные аккорды, за ними последовали виртуознейшие пассажи. Инструмент был отремонтировал и настроен. Играл настройщик-математик. Здорово играл, артистично. Но в его исполнении слышалось отчаяние. - Нашла дедушку! - откомментировал Женя. - Я тебе сразу сказал: мужик! Ишь, вздумалось ему прогуляться вокруг Льва! Старый козел увидел капусту и настроил рояль. Ха-ха!!! При виде Жени хозяйка прямо подскочила от радости - это же настоящая удача! Последняя возможность заработать в уходящем сезоне - сдать комнату, пусть даже и на одну ночь. То время, повторяю, было страшным, как обвал на тропе. Ну, вот. Женя предложил ей (в смысле Главной Героине, не хозяйке) спать вместе, прибавив, что он теплый. Она, естественно, отказалась. И Женя лег в своем домике, а Она - в своем. Ночью Она молилась, благодарила Господа за спасение, за Женю, за все хорошее, что было в жизни и просила

Святого Кристофера простить ее за легкомыслие. Потом заснула и не просыпалась до утра. Наутро Жене нужно было возвращаться в поселок Орд, и теперь Она пошла его провожать. Пройдя немного по берегу, они увидели в камнях ямку с золой и газетой. Она откинула бумагу, и тут же нашла медальон со Святым Кристофером. Поцеловав медальон, Она вернула его цепочке и надела на шею. Наконец они подошли к тому месту, где Женя взобрался на тропу. Это был отвесный обрыв. Как он взобрался? - Не то, чтобы я подумал, надо спасать. Ну, стоит на горе дама - в шляпе, в белых шортах, любуется закатом. Я, кстати, тебя видел, когда ты продефилировала мимо меня в бухте. Ну, где я загорал. И знакомиться, вроде, далеко лезть. Но когда я подошел к этому месту, какая-то Невидимая Сила толкнула меня вверх. Как я сюда залез?! Ну, а когда увидел тебя, понял: тут - стресс. Еще какой!!! Не зря вскарабкался. Такую красивую девушку спас. Ну, вот. Женя уехал, а Она осталась. Однажды поздно вечером, когда Она писала акварель в своей каморке, в дверях вдруг неожиданно вырос математик-настройщик-музыкант. Он принялся расхваливать ее работы своим козлиным голосом и еще раз пригласил прогуляться в полнолуние вокруг Острой Скалы. Но Она молчала. Хотя ее и разрывали эмоции. Она чуть не погибла из-за этого мерзавца! Он хотел столкнуть ее с тропы вниз по сыпухе по дороге на источник! Наврал ей, что в Орд можно пройти только верхом! Из-за него Она взлетела на тропу, где ее ждала верная Смерть, если бы не Женя. И вот, он стоит перед ней и своим дьявольско-козлиным голоском еще смеет приглашать ее в очередной раз в полнолуние к Острой Скале! Не добил, да!? Вдруг в ее сознании вспыхнуло: Люцифер!!! Да, это был Люцифер. Образованный, упорядоченный, талантливый, но с дьявольской подоплекой. Не помоечный упырь, не ядовито-саркастический леший, не водяной в болоте с лягушками, а Люцифер, который использовал Дары Божии - прогулки, природу, источники, музыку - для своих дьявольских целей: овладеть светлой душой, а если не получится, уничтожить. - Вы та-ка-я та-лан-тли-вая, да-же стра-шно! Ри-су-е-те, по-ё-те! - зловеще произнес он своим козлино-дьявольским голосом. Не случайно Бог наделил его таким голосом, подумала Она. Как же я сразу не сообразила, вступила с ним в общение. Но ведь все интеллигентные дамы Острова так им восхищались, так его расхваливали. Да, нужно иметь свою голову на плечах, не поддаваться общему мнению. Самой различать духовные смыслы, не доверять слепо чужому суждению. Работать все время надо, а не подпираться чужими костылями. На его предложение пройтись вокруг Скалы Она ответила, что подумает. Полнолуние было не за горами. Через несколько дней Она возвращалась в свой домик поздно вечером. Ее сопровождал Сережа, муж Лены, последней оставшейся на Острове подруги. У них-то Она и засиделась за чаем. Они уже собирались свернуть с улицы, которая вела к морю, на ее улочку, и начать карабкаться в горку, как вдруг сзади их осветило яркими фарами. Они прижались к кустам - дать проехать машине, но никакой машины

не было. Светил огромный фонарь. Завернув на ее улочку, они начали подниматься. По обеим сторонам раскачивались зажженные фонари - никакой надобности светить. Она глянула через плечо - за ней шагал математик-настройщик-музыкант. Поняв, что Она с мужчиной, он шел, как сомнамбула, будто ничего не видел и не слышал. Она окликнула его по имени, хотела поздороваться, но он даже не повернул головы. Прошел мимо. Словно в скафандре. Ей сделалось очень страшно. Она прибавила шагу, и вскоре они оказались возле ее дома. Куда направлялся математик так поздно ночью? Его дом находился совсем в другой стороне. На этой крошечной улочке ее дом был единственным (из всех знакомых). А дом Наталии Вадимовны стоял на самой вершине горки, и за ним - тупик. Наверное, математик-музыкант идет поиграть на пианино к Наталии Вадимовне, подумала Она, но об эту пору Наталия Вадимовна спит глубоким сном. Тут над ними взошла Полная Луна. Может быть, математик решил побродить вокруг Льва в одиночестве? Она продолжила прерванный неожиданным эпизодом разговор с Сережей, как вдруг они увидели, что математик возвращается назад. - Какой жуткий тип! - горячо прошептал Сережа. - Прямо страх берет от него! Это не тот ли, что загнал тебя на гору по дороге в Орд? - Да, это он. - Слушай! Не надо тебе ночевать у себя! Давай-ка вернемся. Переночуешь у нас. - А где я буду спать? - Лена положит Анечку с собой, а ты ляжешь на ее кровать. К этому времени волны страха уже катались по всей улице. Обоих просто колотило. Переночевать у Лены с Сережей представлялось единственно разумным решением. Они вернулись к ним в домик в Литературном Парке, где обитали всякие модные люди. Дети, Аня и Рома, уже спали, но взрослые - Она, Лена и Сережа - еще долго не могли заснуть. Всех троих охватил просто месмерический ужас. - Чего ты боишься? - спросила Она Лену. - Его, ответила Лена. - Да, кошмарный мужик, - отозвался Сережа. - Просто Дьявол во плоти. Вот когда поверишь в Нечистую Силу. - Ну, хватит! - оборвала его Лена. - И так ноги сводит от жути, а тут ты еще! Давайте спать! Всё!!! Наутро светило Солнце и ей подумалось, что все не так страшно. Перед домиком Лены и Сережи сидела их соседка, выпенрдрючая девица, пытаясь поймать на лицо лучи осеннего Солнца. Увидев наших не выспавшихся понурых друзей, она поинтересовалась, в чем дело. Они не хотели рассказывать, но та все-таки выпытала. - Ерунда! - заключила выпендрючая девица. - Еще уезжать из-за какого-то старого козла! Наша Главная Героиня отогнала от себя мрачные мысли и пошла домой. Однако дома мгновенно пришло озарение - уезжать! Она собрала свой рыжий нейлоновый рюкзак, сложила хозяйское постельное белье, поставила рюкзак на обнаженную панцирную кровать, вышла из каморки, заперла ее на ключ и зашла на кухню в другой домик. Но только Она налила себе молока, как в дверях кухоньки вырос Люцифер. Прямо как из-под земли выскочил! Зловеще сверкая очками, он начал своим ехидно-козлиным голосом приглашать ее в Бухту Лисиц. Во всем дворе - ни души. Отдыхающие давно

разъехались, хозяйка пошла на рынок. Люцифер заслонил собой весь дверной проем. Она попыталась унять дрожь и ответила, что пойти не сможет, - нужно помочь подруге с детьми. А сама подумала: если он начнет наступать, Она плеснет ему молоком в лицо и выскочит наружу. Но он вдруг распрощался и исчез - так же неожиданно, как и возник. Прямо, как сквозь землю провалился. Правильно я решила уезжать, подумала Она и вышла из кухни. Подойдя к своему домику, Она увидела, что занавеска на окне отдернута. Зачем Она ее отдернула? Что-то Она не помнила такого. Ну, да ладно. Значит, Люцифер видел сложенный рюкзак и голую кровать, понял, что Она уезжает и, не найдя ее у себя, прошел на кухню. Значит, он теперь знает, что Она наврала про помощь Лене с детьми. Да, нужно бежать. И как можно скорее. Она поднялась по ступенькам к своей каморке, хотела отпереть, но дверь провалилась внутрь. Дверь была не заперта. Значит, Люцифер отпер ее отмычкой или одним из ключей, которыми чинил пианино Наталии Вадимовны??? Она наскоро заперла каморку и бросилась в Литературный Парк к Лене и Сереже - сообщить им о том, что уезжает и попросить Сережу проводить ее до автобуса. Лена с Сережей поддержали ее в решении ехать домой - у всех троих зуб на зуб не попадал. Сережа отправился ее провожать. Взяв рюкзак и сумку и распрощавшись с хозяйкой, они вышли за калитку и сразу же увидели Люцифера. Он спускался по улочке с огромной палкой, будто собрался в поход, да и одет был по-походному. Рядом с ним семенила страшненькая маленькая пожилая женщинка в простенькой беленькой косыночке, в старой юбке и в кедах, за плечами - рюкзак, в руках - палка. Нашел, значит, себе попутчицу. Люцифер мгновенно обернулся и увидел Ее - с вещами и в сопровождении Сережи. Он взмахнул своей огромной палкой и со всей силы хлопнул ею по асфальту. Маленькая женщинка-спутница с криком отскочила в сторону, а Сережа только и смог выдавить: - Что это он!? У нее оставалась последняя надежда оправдать Люцифера - может, он убил на дороге какого-то жука или змею? Но нет. Когда они дошли до того места, где Люцифер хлопнул палкой, на асфальте не было НИЧЕГО. Просто он выплеснул свое отчаяние и ярость - упорхнула птичка. Ну, вот. Кажется, наша история подходит к концу. Так в жизни бывает: за оболочкой интеллигентного пристойного наукообразного джентльмена, женатого, наделенного талантом, любовью к искусству, который не пропускает ни одного стоящего концерта или выставки, скрывается настоящий Люцифер. Ей еще и дома было очень долго страшно. А вдруг Люцифер будет ждать ее возле подъезда? Но нет, пронесло. К тому же Люцифер жил не в Столице, а в городе-спутнике. А вот, расскажи эту историю интеллигентским тетушкам, что приезжали на Остров по двадцать лет, они бы сказали: - Ну, не-е-е-т. Наш Алексей Львович - тако-о-о-й замечательный! Все Она вы-ы-ы-думала!! Все это ей только показа-а-а-лось!!! Таков мир. Люди никогда не верят правде. Однако ее подруги, знакомые с Леной и с Сережей, только присвистнули: - А мы-то думали, это - дедушка. Вот так дедушка! Ну, ты в

нем разбудила Вулкан!!! Через несколько лет Она увидела Люцифера в Консерватории. И показала его маме. Когда концерт закончился и они стояли в очереди за пальто, Люцифер подошел к ней и встал вплотную. - Ишь! - сказала потом мама. - Подошел, вплотную встал. Ну, ты разбудила в нем Вулкан!!! Ничего не бойся. Я его одной мыслью отшвырну. Старая жердь!!! Наверное, мама поняла, что расщелкает его, как скорлупу от ореха, а может, просто хотела ее успокоить. Что же касается Жени, то он еще долго собой гордился и не терял надежды на роман. Она, конечно, была ему очень благодарна. К тому же их связывали нетривиальные события. Дома, когда Женя уже знал, что Она, как бы сказали обыватели, которым свойственно опошливать даже самые высокие материи, - "вдаренная в религию", он подарил ей стихотворение. Оно кончалось так. И пусть мои грехи, мои ошибки - Как много их - Сгорят в лучах твоей улыбки, Прекрасных губ, увы, чужих. Да, многие люди, в ком тлела хотя бы Искра Божья, от общения с ней начинали рисовать, писать стихи и даже музыку. Заряжались творческой энергией. Оно и неудивительно. Если ты живешь в атмосфере злобы, скандалов, то и сам становишься психом. А съездишь на Остров или в Монастырь, и преображаешься. Поэтому-то Она и жила между Монастырем и Островом, спасаясь таким образом от негативных проявлений жизни. Кстати, хорошее название для рассказа: "Между Монастырем и Островом". Но это - для меня, писателя. А Она - художник, и как-то раз сделала выставку под названием "Между материнством и монашеством". Начиналась эта выставка картиной "Материнство": овал в овале, пуповина, коричнево-пастельные тона, сепия с терракотой. А кончалась "Монашеством": голубые и золотые лучи устремляются вверх и уходят в Бесконечность. Между этими двумя картинами Она изобразила свою жизнь - познание, страдания, путешествия и, конечно, Остров, ее любимый Остров. Она отдала ему двадцать лет жизни. Немало. Фарфоровая свадьба! Даже не верится... 2008 год (написано в электричке по дороге на дачу, Москва - 73 км)